

Социология управления
Management sociology

УДК 94 (41/99)

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг.

Лиходей Елена Максимовна

Старший преподаватель, SPIN-код РИНЦ: [5140-9358](#), ORCID: [0000-0002-8588-4938](#), Likhodey_EM@rsmu.ru

РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, РФ.

Аннотация

Научная актуальность статьи связана с важностью выявления предпосылок перехода от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в политике страны в 1990-е гг. Подобные предпосылки носили социальный характер и положили начало трансформации еще советской государственной политики на рубеже 1980–1990-х гг. Соответственно, целью статьи является выделение социальных причин трансформации советской государственной политики в отношении охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. Для достижения цели в статье использованы исторический, логический и причинно-следственный методы. Научная новизна исследования обусловлена использованием ряда документов, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся документы делопроизводственной документации Верховного Совета РСФСР и документы, касающиеся реализации комплекса постановлений, которые находятся в Государственном архиве Российской Федерации. В исследовании задействованы также документы, отражающие статистические данные, такие как доклад СССР о выполнении Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и документы из коллекции современных политических документов Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ России). Используются также данные периодической печати указанных лет. Исследование показывает, что социальный вопрос, ввиду многих политических и экономических причин, требовал нового решения в условиях политических перемен 1980–1990-х гг. В том числе это повлекло за собой изменение представлений в обществе о задачах государства в области охраны материнства и детства. В итоге назрела необходимость трансформации политики в этой сфере, наиболее полно выразившаяся в 1990-е гг.

Ключевые слова

Государственная политика, охрана материнства и детства, защита прав женщин и детей, внутренняя политика, социальная история.

Для цитирования

Лиходей Е.М. Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 115–125. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Transformation of Soviet State Policy in the Field of Motherhood and Childhood Protection at the Turn of 1980–1990s

Elena M. Likhodey

Senior Lecturer, ORCID: [0000-0002-8588-4938](#), Likhodey_EM@rsmu.ru

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The scientific relevance of the article is related to the importance of identifying the prerequisites for the transition from protecting motherhood and childhood to protecting the rights of women and children in the state policy in the 1990s. Such prerequisites were of a social nature and marked the beginning of the transformation of Soviet state policy at the turn of the 1980–1990s. Accordingly, the aim of the article is to highlight the social reasons for the transformation of Soviet state policy regarding the protection of motherhood and childhood at the turn of 1980–1990s. To achieve the aim, the article uses historical, logical and cause-and-effect methods. The scientific novelty of the research is defined by a number of documents that have not been previously introduced into scientific circulation. These include paperwork documents of the Supreme Council of the RSFSR and documents related to the implementation of a set of resolutions which are stored in the State Archive of the Russian Federation. The study also includes documents reflecting statistical data, such as report of the USSR on the implementation of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and documents from the collection of modern political documents of the State Public Historical Library of Russia (GPIB of Russia). Data from periodicals of the indicated years were also used. The study shows that in the context of political changes in 1980–1990s the social issue, due to many political and economic reasons, required a new solution. This entailed, among other things, a change in ideas in society about the tasks of the state in the field of motherhood and childhood. As a result, there was a need to transform policy regarding the protection of motherhood and childhood, which was most fully expressed in the 1990s.

Keywords

State policy, protection of motherhood and childhood, protection of the rights of women and children, domestic policy, social history.

For citation

Likhodey E.M. (2024) Transformation of Soviet State Policy in the Field of Motherhood and Childhood Protection at the Turn of 1980–1990s. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 115–125. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Введение

Во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе начались политические, экономические и социальные перемены. Они стали следствием того, что в 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС пошла речь о необходимости преобразовать общество и провести реформы во всех областях жизни, в том числе в экономике и вслед за ней в социальной сфере. В экономической сфере было решено встать на путь построения рыночной экономики. Но в последние годы существования СССР реформа не получила своего логического завершения, и потому положительные результаты отсутствовали как в экономической сфере, так и в зависимой от нее социальной. Общество испытывало на себе все последствия проводимых изменений. Самыми уязвимыми группами населения были женщины и дети. Во время реформ социально-экономическое пространство женщин и детей также менялось. Начала трансформироваться советская государственная политика в отношении охраны материнства и детства. Впоследствии, в 1990-х гг., был начат и продолжался переход от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в государственной политике Российской Федерации. В настоящее время, несмотря на осуществленный переход, ситуация в сфере защиты прав женщин и детей остается сложной. Поэтому изучение данного процесса сохраняет актуальность и в наши дни.

Историографические исследования, посвященные политике в отношении детского и женского вопросов в СССР, можно разделить на исследования, появившиеся в советское время, и исследования новейшего времени. Подобное деление обусловлено разницей подхода к изучению института охраны материнства и детства в советский период.

В исследованиях, появившихся в советское время, государственная политика в отношении материнства и детства рассматривалась в историческом аспекте. Изучалось ее социальное направление, преимущественно в трудовой области [Николаева 1982, 5–67; Szymanski 1984, 112–117; Бирюкова 1985, 15–51], в области образования и здравоохранения [Бирюкова 1985, 52]. Детский вопрос в отрыве от женского не рассматривался, и наоборот. Таким образом, в советский период (1922–1991 гг.) женщины и дети в политике воспринимались в контексте термина «охрана материнства и детства».

Современные исследователи, рассматривая историю охраны материнства и детства в советское время, сосредотачиваются, так же как и советские исследователи, на исторической составляющей развития института охраны материнства и детства [Аракелова 1994; Пономарева, Руман 2023]¹. В данном случае они тоже изучают меры государственной политики в трудовой сфере: рассматривают наличие и степень вовлеченности женщин в производство, в руководящую работу, повышение их общественной активности. Но, в отличие от советских исследователей, данные меры изучаются с позиции политики равноправия [Weiler 2004, 55–63]². Другие современные исследователи изучают институт охраны материнства и детства либо через призму правовой охраны материнства и детства [Ростова 2009], либо через призму отдельно взятой проблемы данного института в различные периоды советского времени. Рассматривается высокий уровень младенческой смертности [Бурматов 2021; Бурдина 2022а], детская беспризорность [Бурдина 2022б], проблема и степень социального обеспечения в рамках института охраны материнства и детства [Наквасина 2023]. Отдельно стоит отметить работы современных исследователей, рассматривающих историю охраны материнства и детства с точки зрения развития здравоохранения [Батоев, Карпенко 2023; Горелова, Шелкова 2020; Бушмелева, Шубин 2021]. Появление данного направления исследований можно связать с тем, что по мере перехода в государственной политике 1990-х гг. от термина «охрана материнства и детства» к термину «защита прав женщин и детей» институт охраны материнства и детства не исчез, а стал элементом области здравоохранения.

¹ См. также: Балибалова Д.И. Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России. СПб.: СПбГУП, 2013.

² См. также: Балибалова Д.И. Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 21–31.

Вместе с тем в указанных работах не выявлены предпосылки изменения политики СССР в отношении материнства и детства, повлиявшего на появление данного перехода в политике страны в следующем десятилетии. В связи со степенью разработанности проблемы целью статьи является выделение социальных причин трансформации советской государственной политики в отношении охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. Для достижения цели были использованы следующие методы: исторический, логический и причинно-следственный. Данные методы позволили изучить положение женщин и детей в указанный период и выявить причины, которые стали предпосылками трансформации политики в женском и детском вопросах в 1990-е гг. Научная новизна исследования обусловлена использованием рядом документов, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся документы делопроизводственной документации Верховного Совета РСФСР и документы, касающиеся реализации комплекса постановлений. Указанные источники находятся в Государственном архиве Российской Федерации. В исследовании задействованы также документы, отражающие статистические данные, такие как доклад СССР о выполнении Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и документы из коллекции современных политических документов Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ России). Используются, кроме того, данные периодической печати указанных лет.

Проведенное исследование показывает, что социальный вопрос, ввиду многих политических и экономических причин, требовал нового решения в условиях политических перемен 1980–1990-х гг. В том числе это повлекло за собой изменение представлений в обществе о задачах государства в области охраны материнства и детства. В итоге назрела необходимость трансформации политики в отношении охраны материнства и детства, наиболее полно выразившаяся в 1990-е гг.

Причины трансформации советской государственной политики в отношении детей на рубеже 1980–1990-х гг.

В Советском Союзе на протяжении всей его истории вводили меры, позволявшие улучшить охрану материнства и детства³. Тем не менее на рубеже 1980–1990-х гг. в этой области присутствовал ряд проблем. К ним относятся высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием.

Касательно высокого уровня материнской и младенческой смертности статистические данные показывают, что только в одном РСФСР в 1988 г. материнская смертность составляла 50 на 100 тыс. новорожденных, младенческая смертность в 1989 г. — 17,3 в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми. Главной причиной младенческой смертности были болезни дыхания (30%)⁴. С начала 1980-х гг. процент детей моложе 1 года, умерших по причине отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, и врожденных пороков, составлял 42. К 1991 г. этот показатель вырос до 67% [Авдеев 2010, 58–59]. С 1980 по 1987 гг. был рост рождаемости, а начиная с 1987 г. происходило общее снижение уровня рождаемости [Там же]⁵. В периодической печати 1990 г. указывалось, что СССР по уровню детской смертности был на 40-м месте в мире⁶ среди 185 стран.

Для улучшения ситуации были открыты перинатальные центры, центры восстановительного лечения для детей, санатории для детей с родителями. Ранее подобных центров и санаториев

³ CEDAW/C/USR/3. С. 1, 2, 13–14, 24, 43–44, 50, 53 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 694. Л. 76, 79.

⁵ CEDAW/C/USR/3. С. 12–14, 17 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ Зеленская Т. Нам нечего терять, кроме своих детей // Комсомольская правда. 1990. № 241. С. 1.

не существовало. Помимо этого, росло количество различного рода консультаций: «Брак и семья», медико-генетические консультации, детские поликлиники, родильные дома и детские больницы, в которых мать и ребенок могли пребывать вместе.

В Минздраве СССР появилась новая концепция охраны материнства и детства. Она была разработана на основе региональных комплексных научно-практических программ. В ней были определены основные направления по охране здоровья матерей и детей, включающие меры по снижению материнской и младенческой смертности. Данные меры были разработаны для различных регионов страны⁷. Проблема, однако, оставалась актуальной.

Вторая проблема касалась неудовлетворительной ситуации с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей и заключалась в том, что дошкольных учреждений было меньше необходимого количества. В целом в СССР более 2 млн детей нуждалось в месте в детских садах и яслях. Помимо этого, группы в дошкольных учреждениях были переполнены на 600 тыс. детей в целом по стране. Хотя в СССР в 1989 г. существовало 151 тыс. детских садов и яслей, работавших на постоянной основе. Их посещало 17,2 млн детей, что составляло 57% детей соответствующего возраста. Тем не менее постоянных мест не хватало, и потому в сельской местности в летний сезон дополнительно развертывалась сеть детских садов и яслей. В них находилось около 1 млн детей⁸. Но данная мера не решала полностью ситуацию с нехваткой дошкольных учреждений.

Другая проблема была связана с детскими домами-интернатами. По данным на 1990 г., в стране было 160 детских домов-интернатов для детей-инвалидов. В них проживало 36,4 тыс. человек. Очередь в них составляла 3 тыс. человек⁹.

Отдельной проблемой стала заболеваемость детей. В 1990 г. впервые появились случаи детского заболевания сифилисом. Их количество составило 350¹⁰. В периодической печати также появились данные о том, что возникла негативная тенденция роста числа криминальных ситуаций, в которых были задействованы подростки, заманиваемые в преступные сети взрослыми людьми¹¹.

В конце 1980-х–начале 1990-х гг. начала активно обсуждаться проблема, связанная с недостатками в снабжении детей раннего возраста специальными продуктами питания. Она была поднята на заседании Комитета по делам женщин, семьи и демографической политике 19 апреля 1991 г.¹² В связи с этим Министерство здравоохранения СССР разработало три предложения: первое касалось создания Государственной программы развития производства продуктов питания для детей раннего возраста в 1991–1992 гг.; второе предложение касалось формирования раздела «Детское питание» Государственной программы улучшения положения женщин, укрепления семьи, охраны материнства и детства на период до 1995 г.; третье предложение было о необходимости создания Государственной союзно-республиканской программы по охране здоровья детей от воздействия последствий Чернобыльской катастрофы сроком на 1991–1995 гг.¹³

⁷ CEDAW/C/USR/3. С. 17 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Дети в жерновах реформ 10 лет спустя... // ГПИБ России. Коллекция совр. полит. док-тов. НП4/134, инв. 1012260.

¹⁰ Там же.

¹¹ Козлов А. Отцы и дети // Российская газета. 1990. № 43. С. 4.

¹² Протокол заседания Комитета по делам женщин, семьи и демографической политике № 41 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 713. Л. 4–5.

¹³ Документ «О ходе реализации постановления Комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства Верховного Совета СССР и Комитета народного контроля СССР от 25 мая 1990 г. «О серьезных недостатках в обеспечении детей раннего возраста специальными продуктами питания» от 25.03.1991 г. от первого заместителя министра Министерства здравоохранения СССР А.А. Баранова Председателю Комитета по делам женщин, семьи, материнства и детства Верховного Совета СССР В.И. Матвиенко; письмо от Б.С. Бедных («Всесоюзный научно-исследовательский институт детского питания (ВНИИДП) к Председателю Комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства М.Н. Рахмановой от 11 апреля 1991 г. «О результатах работ ВНИИДП за 1990 год» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 713. Л. 148, 172–173.

Таким образом, на рубеже 1980–1990-х гг. в сфере детства появились социальные проблемы, показывающие неудовлетворительное положение в этой области по ряду показателей (высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием). Данные проблемы возникли на фоне политических катаклизмов того времени. Тем не менее эти показатели находились под наблюдением на протяжении всего существования СССР. Поэтому, несмотря на политические реалии, со стороны государственной власти планировалось их исправление. В связи с чем и было инициировано изменение политики в отношении детей, что проявилось в первую очередь в разработке новой концепции охраны материнства и детства. Более того, позже появился принципиально новый проект закона об охране материнства и детства. В нем, помимо традиционных определений материнства и охраны материнства, вводился новый концепт — определение понятия «ребенок». Ребенком признавался каждый гражданин или гражданка СССР до 18 лет¹⁴. В этом же документе появились понятия «охрана детства» и «защита прав ребенка»¹⁵. Соответственно, данный проект стал предтечей перехода к защите прав женщин и детей в будущем, а границы института охраны материнства и детства в поздний период существования СССР стали размываться.

Затем внимание было направлено на практическое решение возникших проблем. Для этого была принята соответствующая законодательная база (Постановление ВС СССР от 10.04.1990 г. № 1420-1 «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи», Приказ Минздрава СССР от 5 июля 1988 г. № 528 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения и укреплению материально-технической базы здравоохранения»¹⁶). Более того, предложения Министерства здравоохранения СССР по решению проблемы, связанной с недостатками в снабжении детей раннего возраста специальными продуктами питания, можно назвать предвестником основной и крупнейшей детской программы 1990-х гг. — программы «Дети России».

Причины трансформации советской государственной политики в отношении женщин на рубеже 1980–1990-х гг.

В конце 1980-х гг., помимо проблем, связанных с институтом охраны материнства и детства, появились новые, выходящие за его рамки¹⁷. В первую очередь подобные проблемы касались необходимости повышения статуса женщины в обществе. В последние годы существования СССР данная проблема обсуждалась широко. На фоне всех политических и экономических изменений в стране у женщин появилось желание более активно участвовать в политической и общественной жизни. Они хотели изменить свое положение ввиду негативных тенденций в экономической и социальной жизни страны. Проблема повышения статуса женщины стала рассматриваться как составная часть вопроса прав человека. В политической сфере начали появляться женщины-лидеры. В органах законодательной власти среди них были заместители двух палат Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, семьи и демографической политике, председатель Верховного

¹⁴ Проект закона СССР «Об охране материнства и детства» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 689. Л. 173.

¹⁵ Проект закона СССР «Об охране материнства и детства» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 689. Л. 182.

¹⁶ Постановление ВС СССР от 10.04.1990 г. № 1420-1 «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10633/ (дата обращения: 07.02.2024); Приказ Минздрава СССР от 5 июля 1988 г. № 528 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения и укреплению материально-технической базы здравоохранения» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/4179278/> (дата обращения: 07.02.2024).

¹⁷ CEDAW/C/USR/3. С. 1 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

Совета Азербайджана, заместители председателя Верховного Совета РСФСР, Марийской автономной республики, Северной Осетии, Чувашии; на уровне исполнительной власти — заместитель премьер-министра Кабинета министров СССР, два министра Кабинета министров СССР, девять министров в республиках. В рядах ЦК КПСС женщины занимали должности секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС. Женщины присутствовали на руководящих должностях в профсоюзных, партийных и других общественных организациях. Причем в профсоюзных организациях их количество составляло более половины всех членов. Однако, в соответствии с докладом Организации Объединенных Наций, многие политические и управленческие структуры были не готовы допускать женщин в свои ряды на руководящие позиции¹⁸. К тому же вскоре последовала отмена квоты на выдвижение женщин в органы государственной власти, и это привело к снижению числа женщин в Советах народных депутатов всех уровней. Стала очевидной также психологическая неподготовленность существующих политических и управленческих структур к равноправному участию женщин в них¹⁹. Женщины могли принять участие в общественной жизни только через общественные организации и объединения трудящихся.

Вместе с тем формируемые общественные и неформальные организации испытывали дефицит женского представительства как в числе лидеров, так и в рядах обычных членов²⁰. Эта ситуация объясняется тем, что, несмотря на фактическое равенство образовательного уровня между мужчинами и женщинами, последние чаще сталкивались с дефицитом профессиональной подготовки. Существовавшие недочеты в организации образовательных программ профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации плохо сказывались на карьерном росте и повышении профессионального мастерства женщин. У многих женщин было желание улучшить свой профессиональный уровень, но они часто сталкивались с трудностями, обусловленными занятостью в домашних хозяйствах и нехваткой детских учреждений²¹. Следовательно, те женщины, которые не могли повысить квалификацию, также не могли обеспечить себе достойный уровень заработной платы, что, в свою очередь, способствовало тому, что они оставались на рабочих местах с более трудными условиями. Уйти с такой работы они часто не могли, потому что подобная работа оплачивалась выше, чем работа с более благоприятными условиями труда, либо там предоставлялись дополнительные отпуска, льготный выход на пенсию и др.²²

Несмотря на подобные условия, женское движение начало расширяться. К началу 1990-х гг. в СССР функционировало более 300 тыс. женских советов, объединенных под эгидой Комитета советских женщин. Существовали советы и комитеты солдатских матерей, союзы многодетных семей, ассоциации и союзы женщин по профессиональным и творческим интересам, женские секции в миротворческих, экологических, клерикальных и других движениях, клубы деловых женщин, а также организации коммерческого характера²³.

В экономической области после принятия закона «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» начали появляться женщины-предприниматели. Но с учетом того, что, как уже было сказано выше, женщины обладали меньшей квалификацией, среди них вероятность безработицы стала выше²⁴. Проблема женской занятости приобрела освещение в прессе. В периодической печати указывалось, что среди безработных женщин больше всего. Ввиду низкой квалификации их увольняют первыми, и в будущем тенденция только усилится. Отдельно указывалось, что в рамках

¹⁸ CEDAW/C/USR/3. С. 21 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

¹⁹ Там же. С. 3, 21, 30–31.

²⁰ Там же. С. 21, 31.

²¹ Там же. С. 16, 35.

²² Там же. С. 44.

²³ Там же. С. 31.

²⁴ Там же. С. 3, 31.

меняющихся реалий положение женщин становится хуже, потому что взятый курс на обновление общества сказывается на ней сильнее всего²⁵. Статистические данные подтверждают наличие проблемы женской занятости. В СССР 90% женщин трудоспособного возраста работали или учились. Это составляло 50,6% всех занятых в народном хозяйстве²⁶; при этом каждая шестая работающая в промышленности женщина работала в условиях, не отвечающих нормам и правилам охраны труда. Многие женщины в промышленности, строительстве и совхозах занимались тяжелым физическим трудом. Женщины часто работали на рабочих местах с вредными условиями. Многие трудились в ночных сменах. Однако, согласно докладу ООН, причиной этого была не дискриминация, а кризисные явления в экономике²⁷.

Если сравнивать, сколько людей становилось руководителями среди мужчин и женщин, то среди мужчин руководителем становился каждый третий, среди женщин — только каждая восьмая-девятая женщина. Причем первое затруднение в продвижении женщин на пост руководителя происходило на уровне предприятий и других первичных трудовых коллективов²⁸. Помимо этого, различался также уровень заработной платы: в 1990–1991 гг. фактическая заработная плата женщины в среднем была на одну треть ниже заработной платы мужчины²⁹. К тому же в социальной сфере начала происходить стратификация по признаку пола³⁰. В связи с происходившим в прессе констатировалось, что вопросы работы женщин, устройства быта, их соотношения между собой, а также вопрос социальной защиты женщин не были ни решены, ни поставлены в целом³¹.

В связи с данной ситуацией в обществе в самом начале 1990-х гг. возник вопрос, касающийся количества и места льгот, которые предоставляются государством женщинам. Данный вопрос стал дискуссионным и впоследствии обсуждался на протяжении большей части 1990-х гг. Отправной точкой дискуссии стал указ Съезда народных депутатов СССР от 1989 г. Согласно этому указу, Министерством труда и социальных вопросов СССР совместно с правительствами союзных республик, министерствами, ведомствами, научными и общественными организациями страны должно было начать разработку специальной государственной целевой программы по улучшению положения женщин во всех сферах их жизнедеятельности. Данная программа носила название «Основы государственной политики улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства». Она состояла из подпрограмм, каждая из которых была посвящена основным направлениям улучшения положения женщин и семьи в сфере труда, общественно-политической жизни и развитию семейной политики. В том же году Кабинет Министров СССР представил программе Президенту СССР³². Основные цели государственной политики в рамках программы соответствовали новым потребностям женщин. В них говорилось о необходимости формирования новой социальной атмосферы в обществе, которая была бы ориентирована на приоритет общечеловеческих ценностей. Затем говорилось о необходимости достижения реального социального равноправия женщин и о том, что нужно создать условия для работающих женщин. Для этого нужно было переориентировать социальную политику с наращивания льгот и привилегий для женщин, как было раньше, на повышение их социально-профессионального статуса. На основании этого из числа женщин должны были сформироваться работники современного типа с динамичными социальными характеристиками. В продолжение целей программы требовалось усилить социальную защищенность

²⁵ Лукьяненко Т. Драма обновления. Взгляд с точки зрения права // Москвичка. 1991. № 8. С. 6.

²⁶ CEDAW/C/USR/3. С. 18 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Там же. С. 3.

³¹ Вьюницкий В. Есть ли будущее у женского движения // Москвичка. 1991. № 18. С. 7.

³² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5451. Оп. 81. Д. 71. Л. 1–2.

женщин в наиболее сложные периоды их жизни; способствовать укреплению семьи, повышению ее статуса в обществе, формированию отношений равноправного социального партнерства супругов в семье, усилению социальной поддержки малообеспеченных семей, содействию в планировании семьи, укреплению здоровья матери и ребенка³³. Впоследствии о программе в прессе говорилось, что общество воспринимало программу хорошо, что оно надеялось на позитивный результат, но вместе с тем были опасения (даже у самих авторов программы), что многие положения программы не будут реализованы³⁴. К тому же, как выяснилось позже, методы, которые планировалось использовать для достижения новых, отвечавших потребностям общества целей, были старые — в рамках института охраны материнства и детства, от которых женское население хотело отойти.

В начале 1990 г. журнал «Работница» предложил своим читательницам внести идеи в Государственную программу по улучшению положения женщин в СССР. В журнал поступили многочисленные предложения от женщин. Все предложения были направлены в основном на изменение трудового (более ранний выход на пенсию по желанию при наличии общего трудового стажа в 20–25 лет или в зависимости от количества детей, сокращение рабочего дня многодетным матерям с сохранением заработной платы и др.) и налогового законодательства (уменьшение или освобождение от подоходного налога женщин, имеющих детей, и др.) или принятие практических мер (увеличение пособия матерям, воспитывающим детей в одиночку, оплата больничного по уходу за ребенком в размере 100% за все время его болезни, учреждение женского фонда взаимопомощи, уменьшение числа детей в группах в яслях до 15–18 детей и др.). Льготы же было предложено, за исключением одного случая, основанного на физиологических особенностях женщин (декретный отпуск, кормление), предоставлять всей семье. Таким образом, можно сказать, что женщины не хотели быть объектом льгот³⁵. Они хотели расширить институт охраны материнства и детства, сделать его семейным институтом, отказаться от большей части льгот, положенных женщине в рамках института охраны материнства и детства.

Подобные предложения ранее не высказывались, и потому в политической сфере они обладали новизной. От разрешения этого вопроса зависело положение женщины в обществе и дальнейшее к ней отношение. Женщины страны и органы власти на протяжении длительного времени не могли прийти к согласию. Проблема заключалась в том, что, с одной стороны, как признавали сами женщины, увеличение льгот необходимо, но, с другой стороны, оно может привести к тому, что сузит возможности женщин для самореализации³⁶. Новый путь вне рамок института охраны материнства и детства, вне рамок льгот мог потребовать изменения трудового и налогового законодательства, изменения самой концепции института охраны материнства и детства и отношения к положению женщины в обществе. В последнем также обнаружились трудности, связанные с особенностями культурной сферы, с исторически сложившимся отношением к положению женщины в обществе. В частности, в обществе существовал психологический барьер, который не позволял признавать женщин полноценными участниками политической и общественной жизни. Данный барьер, соответственно, не позволял женщинам свободно продвигаться по карьерной лестнице в этих сферах³⁷.

Таким образом, основными причинами трансформации советской государственной политики в отношении женщин на рубеже 1980–1990-х гг., так же как и в отношении детей, стали

³³ CEDAW/C/USR/3. С. 3–5 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

³⁴ Юрьева М. Полцарства за пеленку // Российская газета. 1990. № 1. С. 4.

³⁵ Твоя строка в программе // Работница. 1990. № 1. С. 5, 14; Твоя строка в программе // Работница. 1990. № 3. С. 20.

³⁶ Проторская Н. Мы выигрываем, проявляя характер // Крестьянка. 1990. № 2. С. 11–12.

³⁷ См. об этом: CEDAW/C/USR/3 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

причины социального характера. В совокупности они заключались в недостаточно высоком статусе женщины, что не позволяло ей стать равноценным участником политической, общественной и экономической жизни страны. В отличие от детей, женщины ясно показывали, что ждут изменения государственной политики. Будучи в диалоге с органами государственной власти, они находились в начале пути изменения отношения к женскому вопросу. Главным вопросом, который мог повлиять на статус женщины, стал вопрос о количестве и месте льгот, которые предоставляются государством женщинам. Наиболее отчетливо он проявился во время разработки программы «Основы государственной политики улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства». Но, несмотря на то, что основные цели, заявленные в программе, соответствовали новым потребностям женщин, методы, которые планировалось использовать для их достижения, были в представлении женщин устаревшие, то есть в рамках института охраны материнства и детства. Тем не менее трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства началась, поскольку отношение к женским проблемам стало меняться. Впоследствии данное изменение отношения к женским проблемам вместе с вопросом о количестве и месте льгот в жизни женщины перешли к органам государственной власти Российской Федерации. Вопрос о количестве и месте льгот оставался актуальным в течение большей части 1990-х гг. Вместе данные причины определили вектор развития политики в отношении женщин в 1990-е гг. в Российской Федерации, завершившийся тем, что в новом тысячелетии была сформирована единая государственная политика по защите прав женщин.

Заключение

Таким образом, политические, экономические и социальные перемены в стране на рубеже 1980–1990-х гг. стали причиной того, что в положении женщин и детей происходили изменения. Изменения выражались в том, что наряду с теми проблемами, которые существовали ранее и лежали в рамках института охраны материнства и детства (высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей в СССР, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием), появились новые, лежащие вне его. Последние были связаны с ограничениями и препятствиями в жизни женщины, прежде всего в трудовой и образовательной сфере, что не позволяло многим женщинам улучшить свое экономическое и социальное положение. На этом фоне женщины показали готовность изменить ситуацию, отказаться от льгот, положенных женщине в рамках института охраны материнства и детства, ради получения возможности самореализации. Они хотели расширить институт охраны материнства и детства, сделать его семейным институтом. Данный внутренний импульс со стороны женщин показал, что прежние методы решения проблем женщин в рамках института охраны материнства и детства несостоятельны. Именно социальные причины сыграли ключевую роль, и возникла необходимость трансформации советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства. Более того, трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства оказала большое влияние на осуществившийся процесс перехода от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в государственной политике Российской Федерации.

Список литературы:

Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13–72.

Аракелова М.П. Женщины России: страницы истории. М.: Ирис-пресс, 1994.

Батоев С.Д., Карпенко И.В. К истории развития советской системы охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР (1934–1940 гг.) // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15. № 2. С. 130–140. DOI: [10.24412/2076-8176-2023-2-130-140](https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-2-130-140)

Бирюкова А.П. Равные права — равные возможности: о равноправии женщин в СССР. М.: Профиздат, 1985.

Бурдина Д.А. Решение медико-социальных проблем материнства и детства в курсе социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022а. № 41. С. 53–59. DOI: [10.26516/2222-9124.2022.41.53](https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.53)

Бурдина Д.А. Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Байкальского региона) // Исторический журнал: научные исследования. 2022b. № 4. С. 39–48. DOI: [10.7256/2454-0609.2022.4.38570](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.4.38570)

Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 174–185. DOI: [10.31518/2618-9100-2021-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-16)

Бушмелева Н.Н., Шубин Л.Л. Медицинская помощь и служба охраны материнства и детства Удмуртской АССР в послевоенные годы (1945-1950) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 4. С. 369–378. DOI: [10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378](https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378)

Горелова Л.Е., Шелкова В.Н. Охрана материнства и детства на завершающем этапе Великой отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19. № 4. С. 268–271. DOI: [10.15690/vsp.v19i4.2113](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i4.2113)

Наквасина Ю.В. О некоторых особенностях реализации социальной политики в БУРАССР в 1980-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 1. С. 44–48. DOI: [10.18101/2305-753X-2023-1-44-48](https://doi.org/10.18101/2305-753X-2023-1-44-48)

Николаева Л.А. Конституция СССР и трудовые права женщин. Алма-Ата: Казахстан, 1982.

Пономарева М.А., Руман А.С. Социальная политика государства в сфере охраны материнства и детства в 1950–1970-е годы (по материалам периодической печати Ростовской области) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 105–112. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-2-105-112](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-105-112)

Ростова О.С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период). М.: Спутник+, 2009.

Szymanski A. Human Rights in the Soviet Union. London: Zed books, 1984.

Weiler J. Human Rights in Russia: A Darker Side of Reform. London: Lynne Rienner Publishers, 2004.

References:

Arakelova M.P. (1994) *Zhenshchiny Rossii: stranitsy istorii* [Women of Russia: Pages of history.]. Moscow: Iris-press.

Avdeyev A. (2010) *Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR* [Infant mortality and the history of maternal and child health in Russia and the USSR]. *Istoricheskaya demografiya: Sbornik statey*. Moscow: MAKSS Press. P. 13–72.

Batoyev S.D., Karpenko I.V. (2023) On the History of Development of the Soviet Maternity and Child Health Care in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic (1934–1940). *Istoriko-biologicheskiiye issledovaniya*. Vol. 15. No. 2. P. 130–140. DOI: [10.24412/2076-8176-2023-2-130-140](https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-2-130-140)

Biryukova A.P. (1985) *Ravnyye prava — ravnyye vozmozhnosti: o ravnopravii zhenshchin v SSSR* [Equal rights — equal opportunities: On the equality of women in the USSR]. Moscow: Profizdat.

Burdina D.A. (2022a) Solving Medical and Social Problems of the Family, Motherhood and Childhood in the USSR 1936–1953 (Based on the Materials of the Irkutsk Region and the Buryat-Mongolian ASSR). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 41. P. 53–59. DOI: [10.26516/2222-9124.2022.41.53](https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.53)

- Burdina D.A. (2022b) Solving the Problems of Neglect and Homelessness within the Framework of the Implementation of the Social Policy of the USSR 1936–1953 (Based on Materials from the Baikal Region). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. No. 4. P. 39–48. DOI: [10.7256/2454-0609.2022.4.38570](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.4.38570)
- Burmatov A.A. (2021) Child Mortality in the 1970s in Western Siberia. *Istoricheskiy kur'yer*. No. 4. P. 174–185. DOI: [10.31518/2618-9100-2021-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-16)
- Bushmeleva N.N., Shubin L.L. (2021) Medical Assistance, Maternal and Child Welfare Service of the Udmurt ASS during the Post-War Period (1945–1950). *Finno-ugorskiy mir*. Vol. 13. No. 4. P. 369–378. DOI: [10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378](https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378)
- Gorelova L.E., Shelkova V.N. (2020) Maternity and Childhood Welfare on the Final Stage of World War II and during the Early Post-War Years. *Voprosy sovremennoy pediatrii*. Vol. 19. No. 4. P. 268–271. DOI: [10.15690/vsp.v19i4.2113](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i4.2113)
- Nakvasina Yu.V. (2023) On Some Features of the Social Policy Implementation in the Buryat ASSR in the 1980s. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii*. No. 1. P. 44–48. DOI: [10.18101/2305-753X-2023-1-44-48](https://doi.org/10.18101/2305-753X-2023-1-44-48)
- Nikolayeva L.A. (1982) *Konstitutsiya SSSR i trudovyye prava zhenshchin* [The Constitution of the USSR and women's labor rights]. Alma-Ata: Kazakhstan.
- Ponomareva M.A., Ruman A.S. (2023) The Social Policy of the State in the Field of Protection of Childhood and Motherhood in 1950–1970 (On the Periodical Press Materials of the Rostov Region). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. No. 2. P. 105–112. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-2-105-112](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-105-112)
- Rostova O.S. (2009) *Pravovaya okhrana materinstva i detstva v Rossii (sovetskiy period)* [Legal protection of motherhood and childhood in Russia (Soviet period)]. Moscow: Izd-vo Sputnik+.
- Szymanski A. (1984) *Human Rights in the Soviet Union*. London: Zed books.
- Weiler J. (2004) *Human Rights in Russia: A Darker Side of Reform*. London: Lynne Rienner Publishers.

Дата поступления/Received: 11.02.2024